

Я изрекала всё это высокопарно и с серьёзным видом, но внутри была настороже. И чем больше я трепетала, тем старательнее расправляла плечи и таращила глаза, лишь бы не выдать свой страх. Отец сначала лишь рассеянно улыбался, глядя на меня, но, услышав мои доводы, вдруг рассмеялся и, указывая на меня пальцем, сказал:

— Теперь-то я понимаю, почему твоя матушка зовёт тебя маленькой плутовкой! С твоим-то языком, назвать тебя просто плутовкой — даже лестью будет!

С этими словами он протянул руку. Я ухватилась за его ладонь и медленно поднялась. Ли Жуй, воспользовавшись моментом, тоже приподнялся, но отец бросил на него строгий взгляд. Тот, испугавшись, тут же шлёпнулся обратно на колени. Лишь когда отец махнул рукой со словами «Вставай», он выпрямился, успев при этом скорчить мне рожу.

Увидев, что отец уже не сердит, я облегчённо вздохнула, но тут мать с того конца зала неспешно молвила:

— Стало быть, ты намерена призвать на службу Вэй Хуань?

Я взглянула на мать. Она сидела невозмутимо, и по лицу её ничего нельзя было прочесть. Я уже собралась было ответить, как вдруг вспомнила: ведь именно мать ранее изгнала Вэй Хуань из дворца. Поспешно рассмеявшись, я сказала:

— Ваш слуга лишь сегодня встретил Вэй Хуань, других же кандидатов для сравнения нет. Так что говорить о призыве на службу пока преждевременно.

С этими словами я подбежала к ней, опустилась на колени рядом и, принявшись массировать ей ногу, продолжила:

— В столице проживают миллионы людей, и среди них — бесчисленное множество добродетельных и талантливых мужей. Разве возможно одному человеку, за один день, всех их обозреть и выбрать? Необходимо ещё не раз выйти из дворца и произвести тщательный поиск. Даже если и появятся кандидаты, их в обязательном порядке надлежит представить на одобрение Их Величеств и ждать высочайшего решения.

Мать и отец рассмеялись одновременно. Увидев их улыбки, я решила, что дело сходит на нет. Но тут мать ткнула меня пальцем в лоб:

— Учитель наставлял тебя в канонах, а ты используешь их для пустословия! Спрашиваю тебя: о каком призыве на службу ты говоришь? На какую должность? Будучи внутри дворца, как ты будешь управлять чиновниками? Ты говоришь, что нельзя наказывать слишком сурово — а какое же наказание тогда не считать суровым? Ты самовольно покинула дворец, надела одежду евнуха, вторглась в дом чиновника, обманула его жену — что за это полагается? На днях начальник уезда Ваньянь специально доставил сюда двух человек, утверждая, что это самовольно покинувшие дворец евнух и служанка, и даже подал доклад. Дело уже дошло до Зала государственных дел. Как же мне ответить ему?

Вопросы матери заставили меня вспотеть. Я убрала руки с её ног и застыла на коленях, не в силах вымолвить слово в своё оправдание.

Тут вмешался отец со смехом:

— Ладно, ладно, сколько ей ещё лет-то.

Мать бросила на него взгляд — томный, страстный, совсем не похожий на взгляд женщины, уже родившей четверых детей:

— Саньлан, тебя только и хватает, что её баловать!

Отец лишь усмехнулся:

— По-моему, ты к ней и вправду слишком строга. Она ещё дитя, а уже знает о призыве чиновников на службу, о том, что нельзя казнить без предупреждения, — это уже редкость. К чему придирается к мелочам?

Я с благодарностью уставилась на отца. Тот незаметно подмигнул мне и сказал:

— Раз уж ты заговорила о призыве на службу, то если мы теперь не позволим тебе выходить из дворца, это и вправду будет выглядеть нашей ошибкой. Ян Цзыгао, передай мой указ: отныне принцесса Чанлэ может покидать дворец на тех же основаниях, что и князь Дай.

Улыбка на лице матери вдруг потускнела. Она взглянула на меня и равнодушно произнесла:

— На мой взгляд, если уж ты действительно хочешь её побаловать, то позволь ей вместе с Жуем отправиться учиться в Академию Хунвэнь.

Отец и я оба остолбенели. Отец лишь начал хмурить брови, как мать, улыбнувшись, сказала:

— Шутка это, Саньлан, не принимай близко к сердцу. Ваньэр, иди сюда.

Она поманила кого-то в глубине зала. Шангуань Ваньэр словно призрак возникла из тени, быстро приблизилась и, склонившись, ожидала приказа. Мать, глядя на меня, сказала:

— Слышала я, ты даже не знаешь, кто такой начальник округа Чанъань? Отныне, после занятий в Чертоге Чжуцзин, приходи ко мне. Пусть Ваньэр обучит тебя должностям и чинам прежних династий. Когда разберёшься в рангах и должностях, тогда и поговорим о призыве на службу.

Раньше, когда я провинилась, стоило мне повестись на отцовскую ласку, прикинуться дурочкой перед отцом или же проявить находчивость и красноречие перед матерью — и дело всегда сходило на нет.

Но сегодня отец остался прежним, а мать словно стала особенно суровой. Я приготовила целую речь, чтобы выпросить снисхождение для Вэй Хуань, но, увидев выражение её лица, проглотила все слова, лишь тихо ответив: «Слушаюсь», — и кивнув Шангуань Ваньэр. Отец, заметив мою почтительность, медленно подошёл, окинул Ваньэр взглядом с ног до головы и, приподняв бровь, спросил:

— Ты — новопожалованная цайжэнь?

Ваньэр, стоявшая прежде, опустилась на колени, склонила голову почти до земли и чинно ответила:

— Придворная наложница Шангуань Ваньэр почтительно приветствует Ваше Величество.

Услышав эту фамилию, отец заинтересовался ещё больше:

— Из рода Шангуань, что из Тяньшуй? Прежде...

Он вдруг запнулся и лишь улыбнулся матери. Шангуань Ваньэр сказала:

— Придворная наложница с детства росла во Дворце Етин и не ведает, откуда родом её предки.

Её осторожный ответ заставил мать подняться. Она встала перед Ваньэр и с улыбкой произнесла:

— Её дед — не кто иной, как Шангуань И, что в былые времена убеждал Ваше Величество отречь императрицу.

Лицо отца слегка перекопилось. Он, кажется, ещё хотел что-то спросить, но теперь лишь сухо кивнул:

— Хорошо служи императрице.

Ваньэр ударила лбом об пол, медленно поднялась и вновь отступила в тень — словно её и не было.

Между отцом и матерью повисла странная, гнетущая атмосфера. Мне захотелось улизнуть, но, вспомнив о Вэй Хуань, я осталась на месте, чинно опустившись на колени рядом с матерью и, подобно Ваньэр, склонив голову. Мать, заметив это, хлопнула меня по затылку и сказала отцу:

— Разве Ваше Величество не говорило, что у вас есть дела? Отчего же теперь их нет?

Отец же, обняв мать за талию, рассмеялся:

— Уже который час на дворе! Какие бы дела ни были, они не важнее, чем быть с тобой, Мэймэй.

Мать бросила на него косой взгляд, затем скользнула глазами вниз и едва заметно поджала губы в мою сторону:

— Вы чего ещё тут стоите?

Ли Жуй стремительно поднялся, отступая, проговорил: «Ваш слуга откланивается», — и, видя, что я не двигаюсь, замер, отчаянно подмигивая мне. Я посмотрела на него, затем на родителей — боялась, что мать всё ещё в гневе, боялась, что в порыве ярости она и вправду казнит Вэй Хуань. Подумав-подумав, я наконец набралась смелости и позвала:

— Матушка...

Мать, находясь в объятиях отца, искоса взглянула на меня. Пользуясь своим малолетством, я подползла, обхватила её ноги, прижалась щекой к её платью и тихо проговорила:

— Вэй Хуань...

Мать нахмурилась:

— Вэй Хуань допустила нарушение этикета перед императором. Двадцать ударов палками.

Я испугалась, но, не успев вымолить прощение, услышала продолжение:

— Ты будешь присутствовать при наказании. После экзекуции встанешь на колени вместе с ней. Без моего приказа — не вставать.

Я облегчённо вздохнула и убрала руки с её ног. Отец кашлянул, торопя меня:

— Ну, чего ждёшь?

Но я вспомнила ещё об одном деле и, устремив на мать жалобный взгляд, снова позвала:

— Матушка...

Мать глубоко вздохнула:

— Твои две служанки — по сорок ударов каждой. Ты тоже будешь присутствовать.

Затем она взглянула на Ли Жуя:

— Гвардия Цяньню, что сопровождала тебя сегодня, — всем наказание. Сам разберись.

Ли Жуй невольно снова опустился на колени, ответив: «Слушаюсь», — и не смел подняться сразу. Мать лёгким движением носка толкнула меня:

— А ты — проваливай.

Я высунула язык, и мы с Ли Жуюем стрелой вылетели из зала. Едва переступив порог, я увидела, как Ваньэр вновь возникла неизвестно откуда, отдала приказ дворцовой страже и вежливо обратилась к Ли Жую:

— Гвардия Цяньню — чиновники внешнего двора, существуют различия между внутренним и внешним. Не угодно ли будет князю проследить за наказанием здесь, а мы с принцессой отправимся во внутренние покои?

Ли Жуй ответил:

— Как будет угодно госпоже цайжэнь.

Тут уже многие принесли орудия наказания. Палки были длиной более трёх чи, короткие и толстые, поверхность отполирована до глянца. Ли Жуй повёл людей в переднюю часть дворца, а Ваньэр повела меня в уединённое место позади чертога Цзычэнь. Вэй Хуань и две служанки опустились на колени. Все смотрели на меня.

Я на мгновение опешила, но потом поняла: ждут моего приказа о наказании.

— Вэй Хуань — двадцать ударов. Вы двое — по сорок. Приступайте.

Палачи, видимо, никогда не видели столь своевольного надзирателя. Замерши на мгновение, они разом подняли руки. Но я снова остановила их — вид у троих был могучий, вполне могли оказаться недалёкими грубиянами, не понимающими тонкостей ситуации. Я прочистила горло, набрала важности и изрекла:

— Тех, кого вы будете бить, — мои люди. Запомните это хорошенько.

Трое палачей переглянулись, затем снова подняли руки. Увидев, что они замахиваются по-прежнему высоко, я недовольно остановила их снова:

— Все трое — девицы. Им ещё служить при мне.

<http://bllate.org/book/16278/1465915>